

Сергей
ПСАРЕВ

г. Санкт-Петербург

Карельские вструги.

Юшк-озеро

Дорога зовет

Новый Ладожский вокзал в Питере чем-то неуловимо похож на огромный торгово-развлекательный центр из стекла и бетона. На широком темном табло двигаются светящиеся зеленые строчки сообщений о начале посадки и отправлении поездов. Хельсинки, Мурманск, Петрозаводск, Москва, Адлер...

Волны прибывающих пассажиров периодически захлестывают зал ожидания, превращаются в бурные потоки и ручейки на лентах эскалаторов. Вся эта потная и беспокойная масса с облегчением выплевывается ими на платформы к ожидающим поездам.

На южном направлении торопятся дородные мамы с юными красавицами дочерьми. Демонстрация дорожных нарядов из мини-платьев, полупрозрачность и нежный запах духов. Шорты, уютные толстовки, гетры и козырьки... Следом поспевают их папы, отягощенные грузом бесчисленных сумок и чемоданов на колесиках. На Север, в Карелию едет все больше молодых, спортивного сложения людей с различным туристическим снаряжением. Со стороны все это напоминает растревоженный лесной муравейник.

Прибыв на вокзал, я тоже немедленно заража-

юсь общей предстартовой лихорадкой. Больше десяти лет никуда не выезжал из Питера, и теперь волнение вызывает тихую внутреннюю дрожь. Мне сегодня с теми, кто едет за романтикой белых ночей, в Карелию. Увесистый рюкзак туриста с притегнутой теплой спортивной курткой, этюдник с красками и тетрадки для записей. Что же еще нужно для счастья? Тогда вперед, за мечтой...

Объявляют посадку на мой поезд. С эскалатора на платформу. Серый стальной корпус вагона с красной символикой РЖД очень напоминает подводную лодку. Нырять на свое место. Через полчаса поезд плавно двигается. За окном медленно проплывает пыльный городской ландшафт. Все это дышит зноем, а раскаленный диск солнца, повисшего над горизонтом, кажется мне порождением дьявола.

Приходит команда задрать окна. Включаются кондиционеры, и мы переходим на режим автономного плавания...

Ехать-то всего одну ночь. По давней привычке у меня все взято с собой: бутерброды, чай. За время армейской службы пришлось поколесить по своей стране. С тех пор полюбил путешествовать именно в поездах. Каждый раз это как возвращение в молодость.

– Мне бы стакан зеленого чая без сахара.

Только непременно чтобы в подстаканнике, – прошу я проводницу. Она наша, местная, из Кингисеппа.

Проводница улыбается и наливает мне чай. Подстаканник самый настоящий, тяжелый, с красивым рисунком. Для меня это своеобразный ритуал начала каждого путешествия...

За окном вагона быстро меняющийся вид. Ты словно листаешь книгу о большой стране. Наверное, со времени таких поездок глубже чувствую и люблю свою Родину. Совсем не ту, столичную Россию, что настойчиво кричит о себе с телевизионных экранов, а другую, скромную и незаметную, со щемящей патриархальной тишиной маленьких полустанков, с их старушками в платочках, предлагающих проезжающим цветы из палисадников, яблоки и дымящуюся вареную картошку. Все, чем по-прежнему остаемся богаты...

Загляни в их лица, в их глаза. Многое тогда прочитаешь и поймешь.

Дорога – это каждый раз новая встреча. Особое душевное расположение попутчиков и беседы за полночь. Можно самому рассказывать понравившемуся тебе человеку и услышать от него откровение, которого не сделают больше нигде. Это особый тип отношений людей, которые едва ли больше встретятся.

Каждый раз в такой беседе у меня происходит обретение новых и совершенно не книжных знаний о жизни и впечатлений. Кто знает, может быть, это и есть самый короткий путь к правде для пишущего человека?

С поездками было связано много лирического и памятного. Самое удивительное, что мне чаще запомнились не масштабные события, а, казалось бы, незначительные бытовые мелочи

Вспоминаю, что как-то приехал на Брянщину к Аннушке, очень близкому мне человеку. А она говорит виновато, что ей встретить, приветить меня нечем. Три дня в поселке не было света, магазины не работали. В доме хлеба осталась всего половинка...

Помню, что рассмеялся тогда и достал из своей дорожной сумки свою половинку хлеба. Это все, что у меня было. Говорю: «Давай сложим их вместе – получится из них одно целое. Всего у нас будет вдвоев, если встретились две половинки».

Действительно, нам тогда хватило. В первую очередь счастья и нашей молодости...

Теперь дорога идет рядом с Ладожским озером, и мы скоро пересекаем границу Ленинградской области.

Сказочная страна. Начало

Добро пожаловать в сказочную страну Карелию: Лахденпохья, Сортавала... Карелию сразу чувствуешь по сокращению следов цивилизации и характеру редких построек. Финляндия здесь совсем рядом. Сейчас до границы с ней всего от 30 до 40 километров. В это время Мегафон в своем сообщении на мобильник уже радостно поздравляет меня с прибытием в Финляндию...

Поезд идет медленно, часто останавливается, словно отдыхает и переводит дух. По обеим сторонам железной дороги поднимается темный лес. Ночь в этих местах удивительно светлая. Редкие огни станционных фонарей льются жидким светом и кажутся мне какими-то инопланетными пришельцами в этих диких местах.

По полям за окнами стелется туман, его становится все больше. От этого кроны ближайших к колее деревьев выглядят серебряными. Во всем этом есть что-то необыкновенное, мистическое...

Озера и реки на пути следования бесконечны своим числом. Кажется, будто какой-то мифический великан расплескал их щедрой рукой. Не донес, наверное, куда-то свою водицу. По пути следования все больше станций со словом «ярви», озеро...

Этой ночью совсем нет темноты, но и света тоже нет. Он перешел в состояние какого-то особого внутреннего свечения. Светилось небо и вода. Как бы хотелось передать это красками у себя на холсте, картоне... Все остальное вокруг окончательно утрачивает обычный цвет и становится серым. Даже сейчас заметно, что весна пришла сюда совсем недавно. Листва на деревьях еще совсем мелкая.

Поезд стоит на каком-то ночном полустанке. Сосед на верхней полке тяжело сопит и всхлипывает во сне. Пассажиры выходят из вагона, на их место приходят другие, устраиваются, шепотом рассказывают какие-то новости. Над проходом меж спальных мест свисают одеяла, чьи-то руки и ноги...

Вагон качнулся и поплыл дальше. Край неба за окном полыхает неугасимым пламенем, в вагоне все будто истончилось, выглядит бледным и нереальным. Постепенно светлеет.

Настойчиво постукивают колеса, в такт им подрагивает ложка в стакане. Монотонный ритм, в конце концов, окончательно укачивает меня. В это время первый луч солнца уже бежит по верхушкам мелькающих сосен. Вот он коснулся моего лица и замер, словно нежная женская ладонь. Я не вижу, а только чувствую его тепло...

Суоярви. Аккуратные домики старой финской

постройки, крытые красной черепицей, поросшей мхом. Вышедшие на платформу позевывающие сонные пассажиры греются на солнце. Стоит как-то стеклянная утренняя тишина...

Поезд снова набирает скорость. За окном сопки, поросшие лесом. Это Западно-Карельская возвышенность. Природа покоряет меня окончательно. Огромные камни, покрытые цветным лишайником, карабкаются по лесным сопкам к самому небу. Они сменяются красноватыми топкими болотами. Неожиданно из непролазной чащи появляется лесное озеро с черной водой. Оно прячется между деревьев, словно стыдливая купальщица.

Солнце все выше. От этого березовая роща за окном, пронизанная его лучами, выглядит светлой и прозрачной. Белые стволы поднимаются прямо из воды разлившегося водоема и от этого кажутся еще длиннее.

Ледозеро. Поезда через эту станцию проходят всего два раза за сутки, причем не каждый день. Дальше на дизеле к Юшкозеру. Он ходит по этому маршруту три раза в неделю. Теперь поезд медленно продирается через лесные дебри. Настоящая тайга. Деревья все ближе подступают к железнодорожному полотну, и скоро их лохматые ветки начинают касаться окон вагона. Будто не пускают нас дальше. Это уже порядочная глушь.

Новое Юшкозеро – конечная, тупиковая станция. Запущенный вокзал, какие-то старинные полуразвалившиеся кирпичные постройки с заколоченными окнами. Когда-то эта станция использовалась для вывоза леса из Юшкозерского леспромхоза, потом для строительства Юшкозерской ГЭС. Теперь все это в далеком прошлом, и будущего здесь нет никакого, часть путей разобрана за ненадобностью. Кому-то такой заканчивающийся маршрут покажется дорогой в никуда, другому – загадочным туристическим раем...

Здесь меня ждали. Дальше на машине по лесной грунтовой дороге. Асфальтированных дорог в этих местах нет совсем. Зато на нашем пути есть деревянный мост через реку Чирка-Кемь.

Вот и Юшкозеро, карельская деревня на берегу озера Jyskyjärvi – конечная цель моей поездки.

Дома у воды

Сегодня Интернет расширяет наши возможности. Вот и у меня так случилось. Приехал в деревню Юшкозеро впервые, а у меня здесь уже снято жилье и есть многочисленные друзья, которых я, по правде говоря, никогда еще не видел.

Моим жильем на две последующие недели ока-

зался маленький домик на самом берегу озера. Его владелец Леонид Ватанен показал мне, как и чем здесь можно пользоваться, тепло пожелал творческих успехов и уехал. За все время моего пребывания я видел его потом только два раза. Перед своим отъездом ключи оставил соседям.

Не успел я окончательно распаковать свои вещи и осмотреться, как в дверь уже постучали. Нужно отвыкать от привычных для городского жителя этажей, дверных домофонов и звонков.

В комнату заглянул бородатый мужчина невысокого роста, на вид лет шестидесяти пяти. Назвать его стариком – язык не повернется. Он сильный и подвижный, сухого сложения. В узких светлых глазах светится ум и некоторое любопытство. Говорит быстро и много. Про таких называют: открыт людям.

Мы знакомимся. Это Михаил Кузьмич, мой сосед. Он приглашает меня к восьми вечера в свою баню. Она у него два раза в неделю, и это, конечно, мне очень пригодится на время проживания в деревне.

Михаил Кузьмич русский, уроженец города Зырянска, что в Восточном Казахстане и исторически называется Рудным Алтаем. Сюда он перебрался еще по молодости, женился. Жена у него карелка, Антонина Дмитриева. В своей непростой жизни он освоил не одну профессию. Местный мастер на все руки. Его теперь так все и зовут здесь: «Миша-токарь» и «Борода-рыбак». Еще чаще просто, но уважительно – Кузьмич.

Теперь они с Антониной живут на два дома. Зимой в городе Солигорске, больше известном в мире своим объединением «Белоруськалий». В деревне они – с весны до осени, пока кормят река и огород. Зимой в этих местах слишком тоскливо, совсем нечего делать.

После закрытия местного леспромхоза так живут многие. Кому повезло, нашли себе работу в Костомукше, на комбинате, сюда приезжают только на выходные. Остальные перебиваются случайными заработками и выживают как могут. К осени здесь становится совсем безлюдно, как это случается в обычных дачных местах.

Хозяйство Кузьмича и Антонины находится совсем рядом. Это большой просторный дом с двумя выходами к реке и на огород, с баней, сараями и дровником.

Здесь все дома срублены на берегу, крыльцом к воде. Рядом мостки и вытасненные на берег лодки. Настоящая Карельская Венеция, даже еще интереснее.

Получается, что Юшкозеро и впадающие в него реки Кемь и Чирка-Кемь превращаются в улицы с

активным движением. По ним совершаются деловые поездки в другие населенные пункты, сельский магазин, в лес за ягодами и грибами. На лодках даже покойников везут на местное кладбище. Для этого продуман целый ритуал. По такому событию снаряжалось несколько лодок. На передней везли самого покойника и крест. На остальных ехали родные и близкие. Правда, теперь у многих есть свои автомашины и появилась возможность заказать обычные ритуальные услуги.

А еще река и озеро здесь кормят. С лодкой в этих местах умеют обращаться все мужчины и женщины, старые и малые. Ловить рыбу тоже с давних пор учат с малолетства. Мастерство плотников и столяров, умеющих «шить лодки», ценится очень высоко и передается по наследству от отца к сыну, от мастера к ученику...

Вечером заглянул в баньку к Кузьмичу. Это рубленое, низкое помещение из темных бревен. Такие строения, как правило, лучше держат тепло и пар. В парилке деревянная полка, каменка, баки с холодной и горячей водой. В маленьком предбаннике узкое окошко. Озеро совсем рядом – можно для форса ополоснуться после пара и там. Вода в нем и на мелководье летом остается холодной. Процедура, кажется, немудреная, но хорошо разгоняет кровь. Она у человека без такого движения подобна стоячей воде, которая портится и плесневеет. Отсюда все болезни идут смолоду.

Приступаю. Баня у Кузьмича удивительно духовита. Пахнет распаренным деревом, вениками и еще чем-то очень приятным. Во всем этом кроются какая-то особая тайна бытия и человеческая мудрость. Выхожу из бани с неким чувством духовного и телесного очищения. Это как после исповеди, когда получаешь очередное прощение за совершенные земные грехи. Глядя на волшебное озеро, мне теперь хочется перекрестить лоб и почитать встречающего тебя Кузьмича за своего Архангела.

Мы вместе идем в его просторный дом. Сегодня у них гости, родственники Антонины. У самого Кузьмича уже слегка масляются глаза, он знакомит меня со всеми. Садимся за накрытый стол. В числе блюд непременно присутствует рыба. Готовить ее здесь умеют хорошо. Каждому рядом с тарелкой непременно кладут листочек бумаги для рыбьих костей.

Уже потом именно у Кузьмича мне довелось попробовать настоящей карельской ухи – *kalarokka*. Варят ее чаще из окуней, причем чешую при этом не снимают. Оттого уха-юшка получается особенно наваристой и клейкой. Ее подают отдельно, в чашках к отварному картофелю. На общее блюдо

выкладывают вареную рыбу и крепко присаливают. Чтобы лучше ловилась. Даже пословица есть такая: «*Ei kaloi liemen jateta*» – рыбу в ухе не оставляют.

К слову, у себя в Питере я попробовал приготовить такую уху из магазинных окуней. Ничего подобного у меня и близко не получилось. Просто отварная рыба. Наверное, наша невская водичка чем-то сильно уступает тамошней, юшкозерской...

Антонина присаживается вместе с нами за стол. Похоже, она и в молодости была не из последних, красивая. Только эта красота у Антонины скрыта для чужого глаза за печатью вечных забот. Непростая жизнь и пережитое горе часто оставляют на лицах свои следы. Губы у нее тонкого рисунка, сжаты в ниточку, а в серых глазах прячутся настороженность и печаль.

Она неодобрительно смотрит на принесенную мной столичную выпивку, свою налитую рюмку лишь пригубит. В разговоре почти не участвует и скоро уходит.

Кузьмич рассказывает о своей жизни. Потом переключается на экологию. Этим местам сильно повредила массовая вырубка леса. Во многих местах и рубить уже нечего, земля зарастает молодым березняком. В лесопромышленности появилось много посредников с большими деньгами. Многое скупается, перепродается, заработки падают. Леспромхозы становятся нерентабельными, закрываются, и люди остаются без работы.

После ввода в эксплуатацию Кривопорожской и Юшкозерской ГЭС произошло нарушение водного баланса в водоемах. Периодический сброс воды подтапливает по берегам и губит лес. Часто случается, что вода, напротив, уходит, обнажая дно. Стоячая вода зацветает, внизу озеро обрастает травой. Отложенная во время нереста икра местами оказывается на отмелях, выклеивается чайками и воронами. Нарушился естественный ход рыбы, с Белого моря теперь не заходит сиг. Вообще, в последние годы рыбы вылавливается намного меньше.

Достается от Кузьмича и местному рыбнадзору. Не там и не так они борются за сохранение рыбного богатства страны. Много ли толку в том, чтобы отобрать у бедного рыбака пару сеток, лишит его этим последнего куска хлеба? Рыбу в огромных масштабах убивают окружающие промышленные предприятия, тот же Костомукшский ГОК – горно-обогатительный комбинат. От Кузьмича я ухожу за полночь...

Поклонный Крест

Спать в эту ночь совсем не хотелось, и я направился на Церковный мыс. Он здесь совсем рядом, всего в нескольких десятках метров от дома Кузьмича. Когда-то на этом месте стояла деревянная церковь, потом она сгорела в 1918 году. Тогда еще и другие дома пострадали. Говорят, что это произошло из-за неосторожного обращения с огнем. К слову, тогда дьяконом в этой церкви служил дед Антонины – Порфирий Петрович. Об этом Кузьмич мне сам рассказывал.

Не так давно на этом месте поставлен большой Поклонный Крест. Хорошо вижу его темный силуэт на фоне ночного светящегося неба. Это позднее время суток ночью назвать трудно. Слишком светло вокруг.

Подхожу к Поклонному Кресту, осторожно прикасаюсь к нему. Рядом темнеет дерево. Внизу, по самому берегу, лежат огромные валуны, а из земли поднимаются окладные венцы старого сруба. Может быть, это остатки сгоревшей церкви? Нет, скорее всего, здесь были хозяйственные постройки леспромхоза. Место сгоревшей церкви тоже находится где-то рядом.

Неожиданно рядом появилась какая-то странная игривая кошка... Она каталась по земле, а глаза ее сверкали зеленым огнем. Временами мне казалось, что у нее были крылья. Кошка подпрыгнула и легко расписала в кровь мою правую руку. Потом забралась на крест, принялась завывать и мяукать. Нашла место, где шабаш устраивать...

От всего этого мне сделалось как-то не по себе, и я повернул обратно домой. Странная кошка не отставала и бежала рядом.

– Брысь, пошла прочь от меня, ведьма, – не выдержал я.

Этот маленький и вредный зверек ничего не боялся. Кошка лишь отошла в сторону и затеяла охоту на пару уток, которые плавали у берега. Она тихонько прокралась к ним и залегла в лодке, поджидая свою жертву. Дожидаться окончания этой охоты я не стал и вернулся домой.

Не помню уже, сколько часов я тогда проспал. Пожалуй, не более четырех. Эта история на Церковном мысу не выходила из головы. Мысли всякие в голову лезли. Под утро мне приснился какой-то черный человек со свечой в руке. Вот он спустился в погреб и осветил себе под ноги на лестнице. Неожиданно свеча упала у него из рук, и на земле появилась огненная речка. Она все больше и больше. Теперь везде полыхало пламя...

К полудню собрал этюдник с красками и опять направился на Церковный мыс. Захотелось нари-

совать и сохранить память об этом месте. Не торопясь выбрал удачную позицию, ракурс и освещение. Теперь мне было все хорошо видно. Установил и закрепил этюдник. Жаль, что дул сильный ветер, но с этим еще можно справиться. Принялся рисовать...

Как-то все сразу пошло: поймал удачно общие контуры и цвет. Динамику удалось передать, ощущение ветра через изображенные рваные облака и качающиеся ветки березы...

Подошла ко мне какая-то маленькая старушка, посмотрела и сказала, что не нужно здесь рисовать, место это плохое. Я ее поблагодарил за добрый совет и продолжил свою работу. Рисовать можно любые места, а плохие в особенности. Иногда интересные вещи из этого получались. Старушка ничего больше не сказала, только глаза у нее насмешливо блеснули. Тут-то все и началось...

Сперва сильный порыв ветра дважды опрокинул мне этюдник. Потом на мыс со стороны озера стала наступать вода, причем очень быстро. Похоже, на местной ГЭС опять произвели большой сброс воды, может быть, случилось что-то другое. Я только успевал передвигать свой этюдник и скоро совсем потерял начатую композицию. Пришлось многое дописывать по памяти на сухом месте. В довершение всего началась гроза, хлынул дождь. Казалось, что небо прохудилось прямо над моей головой. Следовало все быстро сворачивать и уходить. В последний момент умудрился пропороть резиновый сапог и ногу битым стеклом. Едва я дошел до порога дома, как над озером снова засияло солнце. Похоже, меня просто выгнали оттуда...

Сейчас этот этюд с Поклонным Крестом лежит у меня недописанным дома, в Питере. Своим видом он будит приятные воспоминания. В его незавершенности есть что-то неуловимо тонкое, как во всякой недосказанности. Правда, еще тогда, в Юшкозере, я не отступил от начатого плана и уже перед отъездом сделал на этом месте пару приличных черно-белых рисунков линером.

На земле и воде

Сегодня утром принялся писать маслом этюд прямо на веранде. Это соседский дом, старая потемневшая изба. Все ближние дома – такие же. По небу бродят свинцовые тучи. Какое-то пограничное состояние, временами проглядывает солнце, и тогда на крышах домов вспыхивают солнечные блики.

Писать этюд здесь удобно и можно не бояться неустойчивой карельской погоды. Есть надежная крыша над головой. Рядом на полу лежит старая хромая лайка по кличке Барон и лениво поглядывает на мою работу одним глазом. Временами пес похлопывает ушами – его одолевает мошкара. Вытаскиваю баллончик с репеллентом и создаю над ним защитное облако. Барон благодарно постукивает хвостом. Написанная на грунтованном картоне работа нравится нам обоим.

Сегодня суббота, и в деревню приехало много людей из Костомукши. Идет массовая посадка картошки. Для многих здесь это важнейшее мероприятие года. Как проведешь весеннюю и летнюю посадочную страду, так и будешь жить всю следующую зиму.

Прописываю на заднем плане черное картофельное поле, пару фигурок, работающих на нем. Добавляю там для яркости красное пластмассовое ведро и желтые головки одуванчиков на переднем плане.

Со стороны озера из-за деревьев слышатся детские голоса. Кто-то невидимый боязливо трогает воду и намеревается искупаться...

– Не бойся, давай вместе прыгнем. Считай, Вовка!

– Баба сеяла горох и сказала деду: «ох!»

Раздаются плеск воды и истошный визг... Ближние дворы немедленно откликаются собачьим лаем.

В это время ко мне заглядывает Кузьмич. Он внимательно смотрит мои рисунки карандашом и этюды маслом. Попутно рассказывает, что эта соседская изба раньше была конторой лесосплава. Зимой рядом на лед озера садился самолет, и тогда в этой конторе на него продавали билеты. К слову говоря, их там продавала его жена Антонина. Заметно, что все эти моменты их семейной истории являются для него предметом гордости. Он и сам тогда работал в местном леспромхозе.

Договариваюсь с Кузьмичом по поводу лодки. Он подробно рассказывает мне возможный маршрут прохода на веслах и все соответствующие этому меры безопасности. Я в свою очередь вспоминаю, что по молодости легко ходил на веслах до середины Днепра, это куда «редкая птица долетает». Для меня все это выглядит простым.

Утром следующего дня мы встречаемся возле его дома на берегу реки Чирка-Кемь. Кузьмич с гордостью открывает свой дровник, заполненный до самого верха колотыми дровами. У него есть запас на три года вперед. Дрова он не покупает, дорого и не имеет смысла. Кузьмич вылавливает из воды лес-сухарник. Так называют мертвые вы-

сохшие деревья, падающие в реку или озеро. Это следствие паводка, губительного для леса из-за систематического сброса воды каскадом ГЭС. Топор у Кузьмича усиленный, не совсем обычной формы. Оказывается, что это его финский вариант, по общим отзывам, очень надежный.

Вместе подкладываем под лодку короткие бревна и быстро скатываем ее в воду. Сажусь на весла и начинаю грести. Через пять минут втягиваюсь, и лодка идет ровно. Ближе к озеру приходится грести сильнее, иначе лодку сносит вниз, в озеро. Дальше гребу против течения, но особого труда это уже не составляет.

С воды на деревню смотреть еще интереснее. Живописная цепочка домов среди берез и зарослей черемухи по обоим берегам реки Чирка-Кемь, спуски к воде, мостки, лодки в воде и на берегу. Ни одного одинакового дома, у каждого есть своя особая картинка и изюминка. Это тебе не городские современные застройки, убивающие человеческую индивидуальность своими стандартами...

Ажурные деревянные подвесные пешеходные мосты, соединяющие берега и деревню в единое целое, – визитная карточка Юшкозера. Проходя под ними на лодке, испытываешь необычные ощущения. Качается мост, окружающая вода и твоя лодка...

Скоро деревня заканчивается и начинается лес. Местами деревья опасно нависают над водой. Березы и вовсе гнутся в совершенно фантастических изгибах и извилах.

Дальше река распадается на два рукава, и я ухожу влево, нахожу тихую заводь и ставлю лодку к берегу. Поднявшись наверх, оказываюсь в светлом, пронизанном солнцем березовом лесу. Ложусь на теплую землю, раскинув руки, и смотрю в высокое синее небо, где тают и растворяются, словно дым, белые облака. Надо мной качаются и скрипят стволы деревьев, шумит березовая листва. Мысли уносятся куда-то совсем далеко. Так я общаюсь с лесом, он отвечает мне, прибавляет мыслей и сил...

Снова на веслах, и теперь, возвращаясь назад, я ухожу вправо, под автомобильный мост. По правому берегу открывается высокая, поросшая густым лесом сопка. Берег здесь неудобный, низкий и топкий. Все же выбираю удобное место у прибрежных камней. Рядом цветет багульник, а еще дальше круто вверх уходят склоны сопки. Вокруг частоколом стоят сосны, тянутся к солнцу своими рыжими стволами. Пробую подняться на вершину сопки. Ступенями из лишайника выглядывают огромные валуны. Идти непросто: на земле несколько слоев упавших сухих веток, часто глубоко про-

валиваюсь. Каждый новый шаг дается с некоторым трудом. Вершина уже почти рядом, но из-за частого и высокого леса осмотреть окрестности так и не удается.

Возвращаюсь обратно уже по течению реки. Это гораздо проще, нужно только следить, чтобы лодку не сносило к берегу. При подходе к озеру меня опять немного закрутило течением. Кузьмич в это время внимательно следит за моими действиями с берега. Он помогает причалить лодку, ставит мотор. Мы вместе делаем круг вдоль берега острова.

Начало новой прогулки показалось мне немного опасным: мотор на какое-то время заглох, и пришлось опять сесть на весла. Нас стало сносить к опоре грузового моста. Кузьмич запустил его повторно довольно быстро, и остальная прогулка доставила нам немало удовольствия. Берега, покрытые густым лесным ковром, выглядели действительно очень красиво. В одном месте на мелководье увидели пару белых лебедей. Удивительные по своей грации и изяществу птицы. Кузьмич сразу же узнал их, еще во время полета.

За сорок минут мы успели посмотреть всю деревню, растянувшуюся вдоль берега. Кое-где среди сосен на другой стороне острова начали отстраивать зоны отдыха и комфортабельные коттеджи. Российский бизнес настойчиво добирался даже в эту глушь.

Люди и лодки

Не перестаю восхищаться местными карельскими лодками. Мне еще трудно оценить все их рабочие качества, но сами они выглядят стремительными и изящными. Слово создавали их по лекалам самой природы, глядя на линии плывущих лебедей. Ведь известно, что создания природы – самые совершенные. Рисовать их с натуры – истинное наслаждение. Созданную человеком из крепкой карельской сосны лодку можно поэтизировать, складывать о ней песни и легенды. Нос у нее поднят на четверть ее общей длины, что по местным условиям позволяет легче проходить подводные камни и пороги. Такая лодка и волоком далеко пойдет, если под нее положить катки из бревен.

В этих местах она должна быть надежной и устойчивой, ходкой под веслами и с мотором. Лодка может брать груз, несколько человек и хорошо держит волну.

Когда-то в древние времена на похожих больших лодках сюда приплывали ватаги викингов, чтобы собирать дань с местных племен. Из Юшко-

зера на лодке по реке Кемь и сейчас можно попасть в Белое море, через реку Чирка-Кемь, что находится на юге, – в систему связанных озер и дальше в финское озеро Онтоярви, которое сообщается с Ботническим заливом Балтийского моря. С седого Волхова через Ладогу сюда приходили новгородские дружины. После падения Великого Новгорода их сменили отряды стрельцов московского государя. Потом пришли королевские солдаты соседней Швеции.

Если заглянуть в карту Северной Карелии времен военных походов 1570–1617 годов, то она вся испещрена их стрелками. Эти линии идут через Карелию к Белому морю и в Лапландию. На реках Кемь, Чирка-Кемь они закручиваются в густой жгут. Через Юшкозеро проходили многие военные походы с целью захватить и пограбить. В этих глухих лесах часто решались кровавые межгосударственные споры. В 1617 году по Столбовому договору граница между Россией и Швецией стала проходить вблизи от местных озер Куйто. На протяжении столетий здесь stalkивались интересы двух великих государств. После окончания войны 1808 – 1809 годов между русскими и шведами к России отошли значительные северные территории на правах Великого княжества Финляндского...

Заметив мой интерес, Кузьмич дает пояснения по терминологии и конструктивным особенностям карельской лодки. Матица, киль – «эма»; передняя кокура, форштевень – «ези-нокку»; задняя кокура, ахтерштевень – «перя-нокку»; набой, доска обшивы – «лауда» и другое.

– Пора тебя с моим сватом познакомить. Он по лодкам первый мастер будет, – говорит Кузьмич.

Свое слово Кузьмич всегда держит. Утром следующего дня он приходит не один, с ним еще кто-то, ранее мне не знакомый. Это оказался Тайто Тойвович Малинен, известный в деревне мастер-лодочник. Мы договариваемся с ним встретиться через два дня.

Время рабочее у него строго расписано. Сразу заметно, что человек он занятой и по-пустому ни один день не тратит. Сегодня Тайто везет куда-то Кузьмича за 45 километров. На его лодке мотор будет посильнее, быстрее управятся. На выходные с детьми и внуками будут картошку сажать. В понедельник – самый раз...

Сразу присматриваюсь... По словам Кузьмича, ему уже 78 лет. Лицо широкое, красноватое от ветра. Взгляд из-под густых бровей цепкий и внимательный. Подтянутая, крепкая фигура без лишнего веса. Нет и тени возрастной сутулости. Держится с достоинством.

Интерес к этой встрече изрядно подогрел Кузьмич. Он рассказал, что Тайто и сейчас может за зиму сделать восемь лодок. Как мастер он известен на всю Карелию и даже за ее пределами, в Финляндии. Оттуда к нему приезжали заказывать лодки. Один раз даже с аукциона в Финляндии ее продавали. Лодку он тогда сшил за четыре дня. По его словам, стартовая цена на аукционе поднималась десять раз. Мало того, финны его к себе звали. Обещали хорошую работу, деньги и жилье. Только отказался Тайто уезжать из Карелии, ему и здесь хорошо...

Время пролетело быстро. Успел посмотреть смолокурню у Владимира Стременовского, соседа, живущего рядом на берегу озера. Черный дым у картофельного поля поднимался уже в течение нескольких часов. По мягкому выговору во Владимире легко узнать уроженца южных районов или Украины.

Он охотно показывает мне весь нехитрый процесс. Двухсотлитровая металлическая бочка заполняется сосновыми полешками и долго греется на костре. Потом по горизонтальной с некоторым уклоном трубе из нижней части накалившейся бочки тонкой черной стружкой в ведро сбегает смола. Дым от смолокурни, что идет через ее трубу, тяжелый и едкий, а сама смола необычайно приятна по запаху. Весь этот процесс так и называют: гнать смолу. Свою лодку Владимир давно просмолил, теперь заготавливает смолу впрок...

В этих местах лодки принято смолить. Никакая масляная краска не защитит лодку от намокания. Мало того, что обшивка лодки все равно намокнет, она под слоем краски еще быстрее гнить будет и скоро выйдет из строя. Совсем не то, что просмоленная насухую лодка. Она прослужит очень долго, если ее на зиму ставить под навес, а весной, перед спуском на воду, снова тщательно просмолить.

В Карелии еще и по-другому смолу заготавливают. Ее иногда называют зеленым золотом, а чаще – живицей. Это когда на коре выступает сок сосны, смола. Густая, желтая, пахучая и прозрачная, словно солнечные капли. Почему живица? Помажьте себе трещину на пальце – она и заживет быстро...

Для сбора сосновой смолы на стволе делают надрезы, похожие на рыбы хребты, и подвешивают горшочки. Так ее добывают уже больше тысячи лет. Важно при этом не погубить само дерево и не превратить его в сухарник...

Утром в понедельник мы направились к Тайто Малинену. Его дом стоит на другом берегу реки Чирка-Кемь у самого моста. Как раз напротив до-

ма самого Кузьмича. По дороге Кузьмич показывает мне свою плотницкую работу в деревне. Ее здесь оказывается немало...

Мы подходим к дому Тайто Малинена. Успеваю на ходу разглядеть двор, большой просторный дом, мастерскую и хозяйственные постройки. На высоком берегу реки стоит летняя кухня, даже скорее маленький чайный домик с видом на реку из большого окна. Возле мастерской стоит готовая, непросмоленная золотистая лодка под весло. У нее и нос, и корма острые. На этой лодке не будут ставить мотор – такой заказ у финнов.

Во всем этом большом хозяйстве чувствуется характер самого Тайто Малинена – большого труженика, его неторопливый и основательный уклад жизни, европейская аккуратность и достаток.

Садимся в лодку, Тайто Малинен запускает мотор, и мы, оставляя широкий пенный след, уходим по реке в сторону озера. Поездка обещает быть долгой. По ее ходу он успевает что-то показывать, рассказывать о себе, своих родных и вообще много интересного...

На мое желание написать о нем Тайто Тойвович реагирует с некоторой неловкостью. Уже писали о нем, приезжали сюда из самой Москвы журналисты – Василий Голованов и Андрей Семашко. Теперь собираются еще и фильм снять о том, как он лодки делает. Слишком много внимания получается. Он же здесь не один мастер-лодочник. Вот если самый старый, то это уже точно...

Наш путь по озеру отмечен горами камней, сохранившихся еще со времен лесосплава. На нашем маршруте оказался остров Михаила, или Микошари. Называется он так, потому что на нем в далекие времена поселился предок Тайто по материнской линии – Михаил Тарасов. Откуда он пришел – сегодня никто не знает. Много сильных и рискованных людей сюда приходило, бежали с каторги и от ненавистной крепостной кабалы. В этих местах оставалась вольная жизнь. Здесь беглые русские люди нанимались в работники, сами заводили хозяйство. Для этого они строились, жгли и корчевали лес под посева. Беглых с этих мест, как правило, властям не выдавали. Напротив, с ними выстраивались тесные родственные связи. Так появились в деревне Юшкозеро исконно русские фамилии: Тарасовы, Никитины, Власовы...

Вспомнил Тайто и свою бабушку, Анастасию Алексеевну. По ее рассказам, она перед замужеством в 1892 году в числе многих других ходила на лодке паломничать на Соловки. Тайто и сейчас не представляет, как тогда можно было пройти на веслах больше 200 километров водного пути с 17-ю порогами. По нынешним временам, дело

совсем невероятное, но слова об этом уже из песни не выкинешь...

В 1920 году монастырь закрыли, и он потом надолго превратился в Соловецкий лагерь особого назначения, более известного в народе под названием «СЛОН»...

Совершались в те времена и другие дальние поездки. Рыбу часто везли отсюда на торговые ярмарки в соседнюю Финляндию. Обрато везли шведскую сталь для инструмента. За продуктами отсюда ездили в Кемь. Там закупали возами муку и крупы. Своих продуктов до весны в деревне часто не хватало. Хозяйство свое имели многие. Держали лошадей, коров, овец. На освобожденных от леса участках сеяли рожь, ячмень.

Помнят здесь и русских лесопромышленников – архангельского купца Суркова. Он нанимал лесорубов в Юшкозеро. Из инструментов тогда – только топор и пила. Работа была тяжелой, но платили исправно.

Сведения о том, что в Петрограде произошла революция, сюда дошли не сразу. Отношение к ней у людей тоже случалось разное, многого еще не понимали. Бабушка его, Анастасия Алексеевна, вспоминала тогда, что в России выбрали нового царя, Ленина...

Отца своего Тайто знает только по рассказам, слишком рано его потерял. Тойво Малинен – отец его был по национальности финном. Увлёкся идеей построения социализма в Советской России, приехал сюда, женился. Так делали многие, даже из Америки, Германии сюда ехали. Отец работал в Калевальском районе главным ветеринарным врачом. Многие уважали его как человека и знающего специалиста. В 1938 году Тойво Малинена арестовали по 58-й статье за контрреволюционную пропаганду в пользу соседней Финляндии, обвинили в шпионаже и уже в мае расстреляли. Детство у Тайто после этого было трудным. Во время войны были эвакуированы, жили в Коми АССР, Архангельской области. Ему эти места запомнились большим количеством лагерей и заключенных. Работать в колхозе пришлось с 12 лет. Так, по его словам, приходилось делать многим его сверстникам. Потом, конечно, его отца реабилитировали. В 90-х годах уже самого Тайто признали пострадавшим от сталинских репрессий. Выдали ему удостоверение и назначили крохотную пенсию, которую больше не индексировали. Теперь на нее разве хлеба купить...

Тайто называет все это второй пощечиной себе, после обвинения отца в шпионаже. Не понять ему, за что было истреблено безвинно столько людей...

Готовя эту публикацию, еще раз перечитал до-

кументы, связанные с Соловецким лагерем особого назначения. После этого у меня в голову закралась крамольная мысль о том, что такая чрезмерная жестокость является частью все той же неиссякаемой жизненной силы народа. Веками он копил свою силу, чтобы выстоять, выжить. Если ее разбудить, но не направить на созидание, то люди просто начинают пожирать самих себя. Главное, чтобы разрешили убивать. Где истоки этой жестокости? Скорее всего – в Гражданской войне, где брат шел на брата, сын на отца. Вот там-то и перешли страшную черту, за которой уже все дозволено. После нее на землях Соловецкого монастыря сошлись две человеческие крайности: святость великая и потрясающая человеческое сознание жестокость...

В это время мы из Юшкозера входим в реку Кемь. Она здесь кажется шире и спокойнее Чирка-Кеми. По берегам стоит высокий строевой лес. На правом повороте реки наш первый порог. Вокруг подводных камней кружится белая пена. Лодку начинает бить мелкая дрожь. Тайто выглядит спокойным. Кажется, что эти места он может проходить даже с закрытыми глазами. На самом деле в таких проходах по рекам много тонкостей. Кроме знания меняющегося фарватера, обращают внимание на отсвет воды на перекате, рисунок поверхности, шум потока...

Проходим под автомобильным мостом в озеро Куроярви, дальше идем вдоль правого берега и снова выходим в реку. После короткого спокойного движения за правым поворотом начинается большой двухступенчатый порог. Шум падающей воды, ее стремительный, бешеный бег среди скал. В таких местах лодка в диком и необузданном потоке превращается в щепку. Мы уходим вправо и пристаем к берегу.

Тайто вспоминает, как в молодые годы ходил здесь через пороги. Нелегкая это была профессия, и далеко не каждому доверяли провозить здесь грузы, почту, зарплату для лесорубов. О таких людях, знающих и умелых, молва в Карелии ходила очень далеко. Любое решение им приходилось принимать в считанные секунды, чувствовать своим телом каждое движение лодки. Не всем это по силам...

Тайто пришлось поработать на сплаве 33 года. Эта профессия требовала особой сноровки и ловкости. Когда в реку спускали тысячи кубов леса, вся она покрывалась плывущими бревнами. Так вот. Сплавщик должен уметь пробежать по этим плывущим бревнам на другой берег к залому, уметь на одном бревне речку переплыть. Были мастера, что и порог на бревне проходили. Все это

не особое молодецкое ухарство, а лютая необходимость работы сплавщика.

– Пока сто раз не выкупаешься, сплавщиком не станешь, – смеется Тайто.

Об этом и сейчас вспоминают на местных праздниках, когда молодежь соревнуется в умении работать багром, держаться на плавающем бревне, вязать бревна и везти их к другому берегу.

Был Тайто бригадиром у сплавщиков, освоил работу судоводителя, моториста, шофера. Потом и плотником еще стал. Многому научился. Ушел на пенсию – стал строить лодки на заказ. По душе ему показалась вольная работа. Сколько он за это время лодок построил? Тайто и не считал их вовсе. Творения умелого мастера живут долго, иногда дольше его самого...

Тайто вспомнил, как недавно участвовал в регате деревянных судов на Онежском озере в Кижях. С ним в лодке был 70-летний финн. Взяли они тогда первое место в гребле. Есть еще силы с молодыми поспорить...

С интересом наблюдаю, как Тайто идет по лесной тропинке. Ход у него быстрый и легкий. По пути все успевает замечать, каждый след и сломанную ветку. Так обычно по лесу передвигается опытный охотник, и мне за ним не угнаться, часто сбиваюсь на бег. Он останавливается и показывает мне обглоданные молодые побеги: здесь недавно проходил лось. Комары Тайто в тайге не одолевают, он их просто не замечает, а сами укусы не оставляют следов.

Незаметно разговор у нас переходит на экологию. Похоже, что эта тема многих волнует. Тайто говорит, что в здешних местах почему-то исчезли лягушки. Я замечаю, что на листьях берез в некоторых местах уже в июне появился красноватый оттенок. Ответов себе мы не находим, но оба хорошо знаем, что в природе все взаимосвязано...

На следующий день удалось посетить мастерскую Тайто. С интересом рассматриваю многочисленные инструменты, длинный верстак и пытаюсь понять, как шьются настоящие лодки. Мастер охотно отвечает на вопросы, принимая во внимание мою полную неосведомленность.

Наш разговор завершается в летней кухне за столом под треск горящих поленьев в камине. Чай, крохотные оладьи с черничным вареньем и расслабляющая атмосфера уюта. Рядом с Тайто Тойвовичем сама хозяйка дома, его жена Зоя Николаевна, агроном. У нее добрые лучистые глаза, движения плавные и спокойные. Сразу вспомнилось, что хозяйка в Карелии определяла лицо дома. Дому часто приписывались человеческие качества, что целиком относили к его хозяйке. Это был доб-

рый дом. Больше полувека они вместе, бок о бок, через все трудности. Еще о многом можно было вспомнить, поговорить...

Люди на земле. Возвращение

Кроме рисования в Юшкозере было то, в чем я себе не мог отказать. Интересными мне показались местный сельский Дом культуры, библиотека и школа. Часто люди в таких местах работают самоотверженные, большие энтузиасты.

Оно как бывает... Можно по-разному называть учреждение культуры, а в действительности превращать его в место для проведения вещевой ярмарки. Даже объяснение всегда найдется. Возможно, Юшкозеро в этом ряду станет хорошим исключением.

Самой историей таким местам уготована особая роль. Первые упоминания о деревне Юшкозеро в летописях относятся еще к 1585 году. Среди лесов, рек и озер сформировался многовековой уклад жизни карельского народа, его особая духовность, в основе которой лежит общение человека с природой. Все острее чувствуется их взаимная зависимость. Теперь уже многим понятно, что без бережливого отношения к окружающей среде невозможно рассчитывать на сохранение самобытности народа, его традиционных ремесел и навыков. Возвращать утраченное будет намного труднее.

Юшкозеро – одна из рунопевческих деревень Северной Карелии, где собирались всемирно известные руны эпоса «Калевала». Многие говорят на родном карельском языке. В деревне ежегодно проводится фольклорный фестиваль «Четыре сезона в Калевале». На него собираются гости со всей Карелии и соседней Финляндии.

Уже три года в ночь на 7 июля встречают наступающий праздник Ивана Купалы. Этот древний языческий праздник приурочивают ко дню Иоанна Крестителя. Жители собираются в центре деревни на берегу реки у главного висячего моста. Медведь, как главный хозяин леса, вручает папоротник одной из присутствующих девушек, которая после этого непременно выйдет замуж. Кто-то прыгает через костер, чтобы быть здоровым и набраться сил, другие и вовсе купаются, не боясь холодной ночной воды...

Наталья работает в местном Доме культуры. Она с гордостью показывает мне образцы творчества мастеров художественных промыслов: резьбу по дереву, кружева ручной работы, куклы и половики, тканые на старинных станках.

Больше 30 лет здесь существует фольклорный коллектив «Туоми» (Черемуха), известный своими народными песнями и танцами.

Жители деревни не кажутся религиозными в привычном, традиционном понимании. Православная часовня Успения Пресвятой Богородицы и новое здание лютеранской церкви выглядят ухоженными, но по большей части стоят закрытыми. Для проведения служб сюда приезжают священники из Костомукши и Калевалы. Этого пока всем хватает. Сказались десятилетия воинствующего атеизма и безверия. Долгое время в деревне даже не было своего храма. За это время многие разучились правильно креститься и свечи в церкви ставить.

А еще в этих местах сохранились народные поверья, где сверхъестественными возможностями наделялись силы природы, лес, вода и их обитатели. Все это тесно переплеталось с устным творчеством народных сказителей.

В Юшкозере по-доброму вспоминают время, когда в Карелию ехали тысячи специалистов на строительство промышленных предприятий. Прибывали сюда из разных областей РСФСР, Украины и Белоруссии, оставались жить и работать. Всем тогда находилось дело.

Это теперь люди из Карелии потянулись в другие регионы на заработки. Кто-то и вовсе подался в соседнюю Финляндию, обрел там свою вторую родину. Есть родственные связи, и нет языкового барьера. Не секрет, что в известное время граница между нашими странами разделила не только один народ, но и многие семьи. С территорий, отошедших к СССР после Второй мировой войны, в Финляндию переселилось около 400 тысяч человек.

Финляндия, получившая самостоятельную государственность от Советской России в 1917 году, сегодня привлекает своими стандартами жизни. Говорят, что Карелию можно любить и там...

– Тем, кто остается в деревне, нужно как-то выживать, находить для этого силы, – говорит местный библиотекарь Полина Анатольевна.

По ее словам, деревня Юшкозеро разделяет судьбу многих других населенных пунктов Карелии. Безработица, низкий уровень жизни. Это рождает чувство безысходности. Нередко занятием тех, кто остался без работы, становится пьянство. Часто люди умирают от «паленой» водки, которую покупают с рук, поскольку на другую у них просто не хватает денег. Трагедий случается очень много.

Как-то туристы из Финляндии посетили местное кладбище. Они были поражены тем, что

здесь умирает много молодых мужчин. Будто война этих мест коснулась. Может быть, она действительно была, только велась против собственного народа...

Получается не слишком патриотично, но сегодня соседняя Финляндия для многих оказывается ближе своего федерального центра. Слишком большой получается дистанция между столичным чиновником и проблемами человека из маленького карельского городка или поселка...

После всего увиденного и услышанного искренне порадовался возможности встретиться с детьми в местной школе. Обычное сельское образовательное учреждение, выживающее в условиях проводимой школьной реформы. Так у нас ведется в стране, что слово «реформа» всегда связывают с чем-то плохим и негативным. Непременно потом исправлять придется. Вот только учить детей на селе становится все труднее...

К детям в карельских семьях традиционно сложилось бережное отношение. На них не кричали, не били, хотя и требовали послушания старших. Нельзя было пугать детей, придумывать для этого разные «страшилки». Жизнь и так сложна в этих краях. С малых лет детей приучали к труду, умению читать книгу леса по следам, голосам и запахам...

В местной школе все сделано с большим вниманием и любовью. Учатся в ней всего 74 человека. С целью наполняемости классов их объединяют по три вместе, хотя программа обучения у всех разная. Таков спущенный циркуляр из Министерства образования...

Собралось на нашу встречу что-то около 30 ребят, учителя... Глазищи у детей, я вам скажу... Им все интересно: как книги пишут, как рисунки делают...

Принялся показывать те рисунки, что были сделаны мною в деревне. Узнают знакомые места, радуются. Удивительная искренность и открытость в лицах. Стал рассказывать, что, рисуя деревья в местном лесу, каждый раз старался представить, на кого это дерево может быть похоже. На болотах много таких интересных встречалось, словно их там закручивала неведомая сила. Очень даже помогало.

Сильно развитым показалось воображение у местных ребят. Легко угадывали в сосне танцующую девушку, сами принимались кружиться. Замечали лебединые изгибы среди ветвей, мрачных носатых стариков на искореженных временем стволах берез.

У местных ребят есть и еще одна особенность. Каждый из старшеклассников – это уже сложив-

шийся характер, списанный с кого-то из взрослых в семье. Получается, что характер здесь тоже как бы передается по наследству. Поэтому многие приезжие здесь даже через 20 лет не становятся до конца своими...

Они еще во многое верят, мечтают стать полицейскими и работниками МЧС. Для многих мальчиков это уже предел мечтаний. Девочки часто задумываются о продолжении образования. К выпускному классу многие из них постепенно замыкаются в себе. Больше понимают, что далеко не каждому из них удастся осуществить свои заветные планы.

Почему-то вспомнилось, как на празднике молодежи «Алые паруса» в Питере банк с показательным названием «Россия» развернул огромные плакаты: «Россия – страна равных возможностей». Помню время, когда они действительно казались мне равными. Сейчас вижу в этом только благое пожелание власти. Праздники и белые ночи проходят быстро, наступает утро по-настоящему взрослой жизни...

Вот и мой отпуск подошел к своему завершению. Незаметно пролетела моя карельская сказка. На обратной дороге застаю в Ледмозере на семь часов, ожидая поезд из Костомукши на Санкт-Петербург. Проводница с крепкой мужской фигурой и хмурым лицом курит в коридоре нашего вагона и делится с подругами о том, как «шуганула» этих наглых питерских за попытку выпить пиво в купе. Не любят здесь столичных пассажиров...

По небу бродят хмурые грозовые тучи, сильно парит. Питерские любители пива с банками в руках оккупировали лавочки возле станции. На закрытых дверях вокзала висит объявление с извинениями за временные неудобства.

Группа подвыпивших местных молодых людей развлекается тем, что пугает женщин возле грязного уличного туалета, с которого странным образом исчезли указательные знаки «М» и «Ж». Маленькие мерзости в большой стране...

Очень скоро я приехал в Питер, но еще надолго у меня оставалось ощущение необыкновенной легкости и летящих крыльев за спиной.

Вспомнилась волшебная карельская белая ночь, когда солнце тихо кралось за сопку. Зацепилось оно за верхушки сосен и пролилось алым цветом, словно кровью. Берег озера Jyskyjarvi, на котором стояли, обнявшись ветвями, два дерева, словно влюбленные. Так сплелись они, что уже не различить, если спилить, то только вместе. Задрожали на одном из них листья, и увидел в них скользящие вниз руки девичьи, слабеющие колени. Будто услышал далекие голоса...

Вспомнил, как подошел тогда к самой воде, она рябью пошла и волной мне тихо плеснула. Выпил воды глоток, а озеро в ответ прошептало: «Возвращайся сюда...»

Jyskyjarvi – Юшкозеро

Сергей Иванович ПСАРЁВ.

Писатель, художник.

Автор книг, в том числе электронных,

«В поисках утраченного», «Страницы времени»,

а сборник повестей и рассказов «Прикосновение»

ИА «Невские новости» рекомендует читателям

в числе пяти «самых петербургских книг 2017 года».

Член Российского Межрегионального союза писателей,

Живет в Санкт-Петербурге.

